

RU

Лингвосемиотика философского дискурса: языковая личность Баруха Спинозы

Седых А. П.

Аннотация. Цель настоящего исследования – выявление общеязыковых, общекультурных и этнокультурных признаков языковой личности нидерландского философа XVII века Баруха Спинозы. Научная новизна исследования состоит в выделении особенностей дискурсивных построений языковой личности нидерландского мыслителя в русле изучения лингвосемиотических механизмов функционирования специальных терминов, как в пространстве законченного высказывания, так и на уровне универсального фонда философского языка. К одному из основных эпистемологических аспектов работы относится разработка проблематики лингвистической трактовки личности как семиотической целостности и ценности, то есть вопросов поисков основ субъективной или универсальной идентичности, на которые можно дать ответ, так или иначе обращаясь к языку. Важным моментом исследования является выявление корреляций между концептуальным и эпистемическим измерением знания, иными словами, между лингвистическим анализом и концептуальным анализом текста. Полученные результаты показали преобладание универсальных признаков философского дискурса нидерландского мыслителя, а также позволили обнаружить на уровне языковой личности информацию об элементах его мировоззрения и менталитета в качестве носителя национального языка. Полученные данные позволили выявить признаки языковой личности Спинозы, актуальные для современных способов преодоления кризисно-стрессовых ситуаций на путях экзистенциальной стабилизации поведенческих моделей когниции и коммуникации.

EN

Linguosemiotics of philosophical discourse: The linguistic personality of Baruch Spinoza

Sedykh A. P.

Abstract. The research aims to identify the general linguistic, general cultural and ethno-cultural features of the linguistic personality of the 17th-century Dutch philosopher Baruch Spinoza. The scientific novelty of the research lies in highlighting the peculiarities of discursive constructions of the Dutch thinker's linguistic personality in terms of studying the linguosemiotic mechanisms of the functioning of special terms, both in the space of a complete utterance and at the level of the universal stock of philosophical language. One of the main epistemological aspects of the work is the elaboration of the problems of linguistic interpretation of personality as a semiotic whole and value, i.e. the questions of searching for the foundations of subjective or universal identity, which can be answered one way or another by referring to language. An important consideration of the study is the identification of correlations between the conceptual and epistemic dimensions of knowledge, in other words, between linguistic analysis and conceptual analysis of the text. The research findings showed the predominance of universal features in the Dutch thinker's philosophical discourse and also made it possible to discover the information about elements of his worldview and mentality as a native speaker of a national language at the level of the linguistic personality. The data obtained allowed the researcher to identify the features of Spinoza's linguistic personality that are relevant for modern ways of overcoming critical and stressful situations on the course to existential stabilization of behavioural models of cognition and communication.

Введение

Актуальность работы состоит в повышении роли личностного восприятия мира и в растущей востребованности индивидуальных аксиологических построений в русле поиска адекватных оценок элементов внешней

информации для конструктивной синергии индивидуального и коллективного когнитивного потенциала социума. Значимость харизматики великих мыслителей прошлого трудно переоценить, и их язык остаётся образцовым и актуальным для последующих поколений.

Каждая философия вынуждена сталкиваться с конститутивным конфликтом между «локальностью» высказывания и её притязанием на универсальную достоверность. Из этой «локальности» вытекает прежде всего способ познания, который мыслитель вкладывает в естественные языки, – вложение, само по себе неотделимое от отношения к текстуальной универсальности. Спиноза говорит на многих языках (нидерландском, португальском, испанском, французском), но пишет тексты предпочтительно на латинском языке в рамках определённых жанров, согласно доктринальной идентичности, которую философ избирает. Тем самым он определяет отношение к языку, которое, конечно, для него специфическое, но которое он полагает «юридически» общим, ибо оно необходимо для постижения всеобщей Истины.

Специальная терминология выступает неотъемлемым элементом философского дискурса, и в этом плане терминологический аппарат и дискурсивные конструкции есть продуктивный источник для реконструкции существенных признаков модели языковой личности выдающегося учёного (Седых, 2022).

Категория идентичности, или в иных ипостасях «языковая личность», «дискурсивная идентичность», «лингво-философское тождество», всё чаще попадает в фокус внимания филологического сообщества (Азначева, 2009; Бушев, 2010; Горелов, Седов, 2001; Карасик, 2007; Седых, Багана, 2008; Charaudeau, 2009; *Identités sociales...*, 2009; Kristeva, 2000). Вместе с тем изучение языковой личности философа находится на начальном этапе современных эпистемологических изысканий (Бердяева, 2006; Парсамова, 2004; Портнов, 2006; Sedykh, Ivanishcheva, Koreneva et al., 2018), и терминологический корпус лингвосемиотического исследования философской картины мира и статуса мыслителя в национальном и всемирном измерении лингвокультуры только начинает обретать всё более чёткие концептуальные очертания.

В задачи нашего исследования входит лингвосемиотическая интерпретационная реконструкция языковой личности нидерландского мыслителя XVII века Баруха Спинозы. Ключевым для проекта выступает выявление статуса дискурсивной личности философа и её актуальности для современного человека с точки зрения выбора адекватной модели мировосприятия и коммуникации.

Речь идёт не столько о нидерландской лингвокультуре, сколько об универсальности методики философствования в рамках любого языкового сообщества, лингвокультурного пространства и исторической эпохи. В адекватной и конструктивной методике мышления нуждаются не только филологи, но представители культурологии, психологии, социологии, иными словами, гуманитарная парадигма научного знания.

В теоретическую основу работы положены концепции следующих исследователей и направлений: теория этнокультурных следов языкового знака и языковой личности (Седых, 1998; 2022), дискурсивной идентичности (Charaudeau, 2009; *Identités sociales...*, 2009), интеракционной коммуникации (Kerbrat-Orecchioni, 2005). Дополнительным элементом категоризации языкового материала явились идеи лингвистической персониферы (Нерознак, 1996) и интерпретативной семантики (Rastier, 2009; Droit, 2021), политической лингвистики (Hervet, 2021), исторической лингвосемиотики (Donneau, 2011).

Значимость теоретических построений работы видится в разработке социолингвистической трактовки категории «языковая личность» с введением дополнительных синергетических параметров дискурсивной языковой личности. Анализ эмпирического материала (Спиноза Б. Сочинения (Избранные произведения): в 2-х т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1-2) позволяет говорить о подтверждении научных положений философии языка, теории дискурса и лингвосемиотики. Методика, теоретические позиции и результаты исследования могут послужить для дальнейших разработок теории моделирования специальной, в частности философской картины мира и нового терминологического репертуара эпистемологической направленности.

Методы исследования включают в себя дискурсивно-коммуникативную интерпретацию высказывания, а также выделение мотивировочных признаков коммуникации для обозначения реалий когнитивно-философской активности.

Практическая значимость исследования видится в применении его результатов в процессе преподавания философских основ языкознания и основ межкультурной коммуникации, на лабораторных занятиях филологических и переводческих специальностей, в рамках практических курсов по подготовке преподавательского состава педагогических институтов и преподавателей классических университетов.

Обсуждение и результаты

XVII век в Европе – эпоха Классицизма и период создания основополагающих философских текстов. Философия классической эпохи является частью движения за рациональное переосмысление знания. Источником философии и науки является теперь свободное применение принципов просвещения, то есть разума, а не принятие непреложности авторитета древних или веры.

Великие наследники гуманизма, рожденные в эпоху Возрождения, мыслители XVII века «готовятся» к будущему Просвещения, которое освятит торжество свободных умов над «мракобесием». Их зовут Галилей, Локк, Гоббс, Паскаль, Спиноза, Декарт, Лейбниц, Кеплер, Гюйгенс, Гассенди... Известно, что они философы, но они также математики, астрономы, логики, а иногда и мастера на все руки. Они изобретают вычислительную машину, телескоп, вероятность, исчисление бесконечно малых величин, вселенскую гравитацию

и освящают идеи Коперника: Земля больше не является центром Вселенной. Все больше не боятся Бога, но с подозрением относятся к военным религиям и боятся прежде всего суровости инквизиции. Потому что Церковь не любит этих мыслителей, которые разрушают навязанные в Средние века догмы, и Святая канцелярия спешит заняться пытками «отщепенцев» (Donneau, 2011). Большинство этих ученых избегают университетов, которые до сих пор погрязли в средневековой теологии, многие бегут, спасаясь от преследований, но тем не менее формируют матрицу будущих откровений, которая помогает им выжить, а иногда сохранить и приумножить свои открытия.

Спиноза, философ природы и человеческих страстей

Бенедикт де Спиноза, урождённый Барух Спиноза (1632-1677) – нидерландский философ, он, отвергая всякую божественную трансцендентность, отождествляет Бога и Природу. Мудрость, по его мнению, есть интеллектуальная любовь истинного Бога, имманентная реальному. Историки философии считают Спинозу картезианцем, то есть учеником Декарта.

Спиноза и геометрический метод:

«Этика» (основной труд Спинозы) представлена как трактат по геометрии: из определений, аксиом и постулатов следует упорядоченный ряд теорем, доказательств и следствий.

Избранный геометрический формат учения не несущественен, он лишь свидетельствует о стремлении философа действовать строго, как это делают математики. В этом смысле Спиноза стремится объективно выразить в *Этике* основную сущность всех вещей.

Что касается названия трактата, то оно не должно вводить нас в заблуждение. *Этика* обозначает не нравственность в собственном смысле этого слова, а истинное знание истинного Бога, имманентного миру, практическую науку о том, что есть.

Бог или Природа:

Для голландца формула скорее такова: **Бог + Природа**, или Единая субстанция, абсолютно бесконечная, модусами которой мы с вами являемся. Бог Спинозы, объект этики, не имеет ничего общего с Богом иудео-христианской религии, трансцендентным к миру принципом.

Необходимо, по сути, исключить всякое антропоморфное представление о божественном. Бог есть не что иное, как абсолютно бесконечное Бытие, составленное из бесконечности *атрибутов*, единая Субстанция (Субстанция, обозначающая то, что есть в себе и ею же задумано).

Бог отождествляет себя с этой Субстанцией. Она обозначает всю реальность или Природу, понимаемую как единство вещей и единственное Существо, к которому относятся реальности: **Deus sive Natura** = Бог или Природа.

Философы эпохи Возрождения, такие как Джордано Бруно, несомненно, поразили Спинозу своим представлением о единой и бесконечной Природе. «Пантеистическая» концепция, которую мы находим в «Этике», по крайней мере известная под названием «пантеизм», подразумевает учение, отождествляющее Бога и совокупность реальности (термин «пантеистический» не следует приписывать Спинозе, поскольку он появился лишь в начале XIII века).

В этой уникальной субстанции, в этой единой с Богом Природе человеческий разум схватывает только два атрибута, Протяженность и Мысль, причем атрибут определяется у Спинозы следующим образом: то, что рассудок воспринимает в субстанции как составляющую её сущность.

С этой точки зрения что же представляют собой отдельные объекты мира? По мысли Спинозы, они являются модификациями бесконечной Субстанции, которая есть Природа, другими словами, модусами, то есть состояниями этой субстанции. В этом ракурсе каждое отдельное творение выступает как модус Бога, как существо в другой вещи, посредством которой оно мыслится. Такое тройственное разделение (субстанция – атрибут – модус) позволяет нам уловить смысл понятий *Nature naturante* и *Nature naturée*:

– Под *Natura naturans* (Nature naturante) Спиноза понимает самого Бога, поскольку он есть в себе и мыслится им самим, как производитель всей реальности.

– Под *Natura naturata* (Nature naturée) философ понимает всё, что следует из природы Бога и его атрибутов, всё, что производится субстанцией, как она есть в ней и ею (Sedykh, Emanuele, Kugan, 2022).

Такая система строго детерминистична: бесконечные атрибуты Бога обязательно производят определённые эффекты. В природе нет ничего случайного. Абсолютная необходимость, о которой Спиноза говорит в «Этике», имеет такой смысл: всё определено божественной Природой, чтобы произвести действие. Случайность, то есть то, чего может и не быть, представляет собой лишь дефект нашего понимания, отсутствие реального знания.

Спиноза и человеческая природа: желание и страсти

Как в рамках учения понять сущность человеческой природы? В нас есть активный элемент, который Спиноза окрестил **conatus**. **Conatus** обозначает усилие, посредством которого каждая вещь, поскольку она находится в ней самой, стремится удержаться в своем бытии.

Теперь, когда *conatus* осознает себя, он называется желанием, которое поэтому отождествляется с «аппетитом», сопровождаемым сознанием самого себя. Так, *conatus* и желание соответствуют динамическому утверждению нашего бытия.

Но человеческие желания могут быть изменены вмешательством внешних причин. На самом деле мы подвергаемся действию сил, с которыми мы неизбежно связаны, так как являемся частью Природы. Так рождаются страсти, являющиеся пассивными модификациями нашего бытия. Радость и печаль суть две основные

страсти, из которых происходят другие страсти: радость есть переход к большему совершенству, печаль – переход человека к меньшему совершенству.

Для Спинозы человеческая жизнь отмечена печальным шествием печальных страстей (ненависти, зависти и т. д.). Эти страсти низводят человека до состояния рабства, то есть пассивности. А вот и философия, роль которой состоит в том, чтобы излечить человека от его печальных страстей, стремится сделать его хозяином самого себя.

Спиноза, Добродетель и Мудрость:

Добродетель у Спинозы не имеет ничего общего с общепринятым понятием. Быть добродетельным – значит приобретать истинное знание наших страстей благодаря адекватным идеям и понятиям. Добродетельный человек это тот, кто обнаруживает динамизм, который оживляет его, что позволяет ему заново открыть силу *conatus*.

Быть добродетельным – значит познать реальность, получить доступ ко всей полноте существования. Следовательно, добродетель и жизнь неразделимы. Тогда мудрец – это тот, кто получает доступ к истинному знанию и благодаря этому достигает полноты.

Спиноза и политика:

Мудрец живет под властью разума. Таким образом, *спинозистский гражданин* также обретает гармонию и единство со своими собратьями. В этом плане государство должно быть устроено разумно: только разумное государство открывает путь к свободе, согласно законам человеческой природы, то есть осознавая бесконечную природу.

Спиноза – демократ. Демократия означает режим, при котором никто не передает свои права другому и где все равны, некий город, в котором абсолютна свобода мнений. Так складывается судьба свободных людей, живущих под властью разума в свободном этом городе. Получив доступ к истинному знанию, человек снова становится Богом для человека. Политика Спинозы сливается с его Этикой и дополняет её.

Этика Спинозы, наполненная системным исследованием о человеке и Боге, – амбициозная и многогранная работа. Амбициозная по своему предмету, потому что Спиноза критикует все традиционные философские концепции Бога, человека и вселенной. Многогранна ещё и по своему методу, потому что Спиноза намерен показать истину о Боге, природе, человеке, религии и хорошей жизни (помимо политики). Действительно, Спиноза исходит из определений, аксиом, *схолий* и следствий, принятых в математике своего времени. Этот «научный» метод стремится внедрить математическую логику в область метафизики, слишком часто сводимую к простым утверждениям, превращая её, как сказал бы Кант в «Критике чистого разума», в поле битвы.

Даже если «Этика» Спинозы охватывает теологию, антропологию или онтологию и метафизику, голландский философ выбрал термин «этика», потому что он постулирует, что счастье приходит от освобождения от суеверий и страстей. Другими словами, онтология рассматривается только как средство демистификации вселенной и позволяет человеку жить в соответствии с разумом.

Краткое изложение первой части «Этики» Спинозы: Бог или Природа

«Под Богом я разумею абсолютно бесконечное существо, то есть субстанцию, состоящую из бесконечности атрибутов, каждый из которых выражает вечную и бесконечную сущность» (Спиноза, 1999, т. 1, с. 253). Бог есть бесконечная, необходимо существующая (то есть причина самого себя), уникальная субстанция вселенной. Во вселенной есть только одна субстанция, то есть Бог, и всё, что есть, находится в Боге.

Вот краткое изложение пропозиций, положений, утверждений:

Положение 1: Субстанция по своей природе предшествует своим аффективным состояниям.

Утверждение 2: Две субстанции с разными атрибутами не имеют между собой ничего общего.

Положение 3: Если вещи не имеют ничего общего с другими, одна из них не может быть причиной другой.

Положение 4: Две или более различные вещи отличаются друг от друга либо различием в атрибутах [природах или сущностях] субстанций, либо различием в их аффективных состояниях [их *акцидентальных* свойствах].

Утверждение 5: В природе не может быть двух или более веществ одинаковой природы.

Предложение 6: Вещество не может быть произведено другим веществом.

Предложение 7: Существование принадлежит природе субстанции.

Предложение 8: Всякая субстанция необходимо бесконечна.

Положение 9: Пропорционально реальности или бытию, которым обладает каждая вещь, ей принадлежит большее число атрибутов.

Предложение 10: Каждый из атрибутов одной и той же субстанции должен мыслиться сам по себе.

Положение 11: Бог, то есть субстанция, состоящая из бесконечности атрибутов, каждый из которых выражает вечную и бесконечную сущность, необходимо существует.

Положение 12. Ни из какого атрибута субстанции не может быть образовано истинное понятие, из которого следовало бы, что эта субстанция может быть разделена.

Предложение 13: Абсолютно бесконечная субстанция неделима.

Положение 14: Никакая субстанция, кроме Бога, не может быть дана или зачата (Спиноза, 1999, т. 1).

При этом доказательство бесконечности, необходимости и беспричинности Бога состоит из трех простых шагов. *Во-первых*, Спиноза устанавливает, что две субстанции не могут иметь общего атрибута или сущности. *Затем* он доказывает, что существует субстанция с бесконечными атрибутами. Из вывода следует, что существование этой бесконечной субстанции противоположно существованию любой другой субстанции.

Ибо если бы существовала вторая субстанция, то должен был бы быть атрибут или сущность. Но так как у Бога есть все возможные атрибуты, следовательно, не может быть никакой другой субстанции, кроме Бога.

Если Бог – единственная субстанция, то всё остальное сущее – в Боге. Эти вещи, находящиеся в атрибутах Бога, Спиноза называет *модусами*.

Каковы последствия такого представления о Боге? Бог рассматривается Спинозой как имманентный Бог, универсальная причина, обеспечивающая постоянство всего сущего. Это являет собой разрыв с Богом Откровения, который репрезентируется как трансцендентная причина. У Спинозы мир обязательно существует, потому что божественная субстанция обладает атрибутом существования, тогда как в иудео-христианской традиции Бог не мог сотворить мир.

Положение 29: В природе нет ничего случайного, но всё определяется необходимостью божественной природы существовать и определённым образом производить какое-либо действие.

Однако существуют различия в том, как всё зависит от Бога. Определённые части вселенной неизбежно и непосредственно управляются Богом: это «бесконечные модусы», к которым принадлежат законы физики, истины геометрии, законы логики. Частные и индивидуальные вещи причинно дальше от Бога. Конечные модусы суть привязанности к атрибутам Бога.

Метафизику Спинозы о Боге прекрасно резюмирует следующая фраза: «Бог или Природа», “*Deus sive Natura*” на латыни.

У Спинозы природа имеет два лица: одно активное, другое пассивное. Во-первых, есть Бог и его атрибуты, из которых вытекает всё остальное: это *Natura natura*, «Натурирующая Природа». Остальное, на что влияет Бог и его атрибуты, – это *Natura Naturata*, «природная природа».

Таким образом, основная интуиция Спинозы в первой книге состоит в том, что природа есть неделимое, беспричинное, субстанциальное целое. Вне природы нет ничего, и всё, что существует, является частью природы. Эта уникальная, единая и необходимая природа и есть то, что Спиноза называет Богом. В силу присущей природе необходимости во вселенной нет телеологии: *ничто не имеет конца*. Порядок вещей следует за Богом только с нерушимым детерминизмом. Все разговоры о Божьих целях, намерениях или намерениях – всего лишь антропоморфные иллюзии (Спиноза, 1999, т. 1).

Вторая часть «Этики» Спинозы: человек

Во второй части Спиноза обращается к происхождению и природе человека. Два атрибута Бога, о которых мы знаем, – это протяженность и мысль.

Если Бог действительно материя, это не означает, что Бог имеет тело. Ведь Бог есть не материя сама по себе, а продолжение её сущности. Ибо протяженность и мысль суть две различные сущности, не имеющие абсолютно ничего общего. Модусы (или расширенные выражения) – это физические органы; *мыслительные паттерны – это идеи*. Поскольку протяженность и мышление не имеют ничего общего, две сферы материи и разума представляют собой причинно замкнутые и гетерогенные системы.

Одним из насущных вопросов философии XVII века и, пожалуй, самым известным наследием дуализма Декарта является проблема соотношения двух радикально различных субстанций, таких как разум и тело, вопрос их союза и их взаимодействия. Спиноза фактически отрицает, что человек есть союз двух субстанций. Человеческий разум и человеческое тело – два выражения одного и того же: *личности*. А поскольку между умом и телом нет взаимодействия, проблема разума и тела (взаимоотношения тела и разума) не возникает.

Третья часть «Этики» Спинозы: знание

Человеческий разум, как и Бог, содержит идеи. Спиноза занимается подробным анализом строения человека, потому что его цель – показать, каким образом человек является частью природы, в отличие от тех, кто мыслит человека как *империю внутри империи*. Это имеет серьезные этические последствия. Во-первых, это означает, что люди не наделены свободой. Поскольку наш разум и события в нашем уме представляют собой идеи, существующие в причинном ряду идей, исходящих от Бога, наши действия и воля обязательно детерминированы, как и другие естественные события. «*Разум определяется желанием того или иного по причине, которая также определяется другой, снова другой и так далее до бесконечности*» (Спиноза, 1999, т. 1, с. 355).

По Спинозе, природа всегда одна и та же, и её способность действовать везде одинакова. Нашими аффектами, нашей любовью, нашим гневом, нашей ненавистью, нашими желаниями, нашей гордостью управляет одна и та же необходимость.

Наши аффекты делятся на действия и страсти. Когда причина события лежит в нашей собственной природе, в частности в наших адекватных знаниях или представлениях, тогда это действие. Но когда что-то происходит, но причина неадекватна (вне нашей природы), тогда мы пассивны. В зависимости от того, действует дух или претерпевает действия, Спиноза утверждает, что дух увеличивает или уменьшает свою способность быть. Он называет термином *conatus* своего рода экзистенциальную инерцию, нашу тенденцию упорствовать в бытии.

Спинозистская свобода, таким образом, состоит в отказе от дурных страстей, делающих нас пассивными, в пользу страстей радостных, делающих нас активными и, следовательно, автономными. Добрые страсти связаны со знанием, суммой адекватных идей, накопленных человеком. Другими словами, мы должны освободиться от нашей зависимости от чувств и воображения, от того, что влияет на нас, и максимально полагаться на наши рациональные способности.

Таким образом, радость увеличивает нашу способность действовать. Все человеческие эмоции, поскольку они являются страстями, направлены вовне. Мы ищем или убегаем от внешних вещей, причиной которых мы приписываем радость или печаль. Субъект, согласно Спинозе, таким образом, открыт миру, затронут внешними объектами и событиями, короче говоря, погружен в мир, далек от стоического мудреца-отшельника в своей философской башне из слоновой кости.

Этика Спинозы: добродетель и счастье

Добродетель у Спинозы – путь к счастью. Действительно, добродетель состоит в том, чтобы жить в соответствии с пониманием, которое направлено на увеличение наших знаний и нашего понимания природы. Разум живет согласно *conatus* и ищет добра для нас. Предельное знание, или третий вид знания, обозначает знание сущности вещей не в их временном измерении, а в аспекте вечности. В конце концов, именно познание Бога ведет к блаженству, завершенности человека.

Этическая теория Спинозы мало чем отличается от стоицизма, утверждающего, что мировые события ускользают от нас, только наш взгляд на фатальность может избавить нас от печали. Мудрый спинозист понимал, что он неотъемлемая часть природы, и он ею доволен. Поэтому мудрец свободен и автономен, потому что он сопровождает природу и полностью интегрирован в неё.

Некоторые цитаты Спинозы (1999, т. 1) для размышления и анализа.

Спиноза и субъективность:

- «Человек – это не империя внутри империи».
- «Бытие существа состоит в том, чтобы упорствовать в своем бытии».
- «*Conatus* обозначает усилие всех вещей, насколько они есть в нем, упорствовать в своем бытии».
- «Хорошо то, что я хочу: мы хотим этого только потому, что мы считаем вещь хорошей, но потому, что мы хотим её, мы считаем её хорошей».
- «Мы чувствуем и переживаем, что мы вечны».
- «Свободной называется вещь, существующая по единственной необходимости своей природы и определяемая самой собой к действию».
- «Свободный человек не думает ни о чем меньшем, чем о смерти, и его мудрость есть размышление не о смерти, а о жизни».
- «Нет ничего более полезного для человека для сохранения своего бытия и наслаждения разумной жизнью, чем сам человек, когда его ведет разум».

Спиноза и страсти/привязанности:

- «Любовь – это радость, сопровождаемая идеей внешней причины».
- «Ненависть – это печаль, сопровождаемая представлением о внешней причине».
- «Ненависть должна быть преодолена любовью и великодушием».
- «Блаженство – не цена добродетели, а сама добродетель».
- «Не насмехайтесь, не сетуйте, не проклиняйте, а поймите».
- «Желание, возникающее от радости, сильнее при прочих равных условиях, чем желание, возникающее от печали».

Спиноза, Бог и детерминизм:

- «В природе вещей нет ничего случайного; напротив, они определяются необходимостью божественной природы существовать и действовать определённым образом».
- «Люди заблуждаются в том, что считают себя свободными, и мнение это состоит исключительно в том, что они осознают свои действия и не знают причин, их определяющих».
- «Все, что есть, есть либо в себе, либо в чем-то другом».

Спиноза и политика:

- «Люди движимы скорее слепым желанием, чем разумом».
- «Мир – это не отсутствие войны, это добродетель, состояние души, стремление к благожелательности, доверию, справедливости».
- «Люди действительно не рождаются гражданами, а становятся».
- «Если два человека объединятся вместе и объединят свои силы, они увеличат свою власть и, следовательно, свои права; и чем больше будет лиц, образовавших таким образом союз, тем больше прав будут иметь все вместе».
- «Государство ставит своей целью не превращение людей из разумных существ в животных или автоматов, а обеспечение того, чтобы граждане безопасно развивали свои тела и умы, свободно пользовались своим разумом, не соперничали друг с другом в ненависти, ярости и хитрости и не смотрели друг на друга ревнивым и несправедливым оком. Таким образом, целью государства является истинная свобода».
- «Государство необходимо потому, что индивидуум должен передать обществу всю принадлежащую ему власть, чтобы только оно обладало суверенитетом распоряжения».

Спиноза и правда:

- «Истинная идея должна согласовываться с тем объектом, который она представляет».
- «Всякая идея в нас абсолютна, то есть адекватна и совершенна, истинна».

Спиноза: детерминистская философия человека

В «Этике» Спиноза защищает пантеистическую философию: Бог определяется как вся реальность, совокупность *Сущего* («Бог повсюду») – природа, одним словом. Следовательно, только Бог свободен, потому что он один есть *причина самого себя*, естественная природа (*causa sui generis*). Человек, напротив, есть естественная природа, им управляет абсолютная необходимость, которая пребывает в Боге. Если человек и его действия избегают случайности, тогда свобода становится чистой иллюзией, что Спиноза демонстрирует на примере «персонажа» Камня.

Отрывок из «Письма Шуллеру» о камне – вопрос о свободе человека (Спиноза, 1999, т. 2):

Последняя (*Свобода*) движется в пространстве, не подозревая о происхождении своего движения, считая себя причиной своего движения. Также как камень получает от толкающей его внешней причины определённое количество движения, благодаря которому он необходимо будет продолжать движение после прекращения внешнего толчка. Это постоянство камня в его движении есть принуждение не потому, что оно необходимо, а потому, что оно должно определяться импульсом внешних причин; и то, что верно для камня, верно также и для любого единичного объекта, какова бы ни была его сложность и каково бы ни было число его возможностей: фактически каждый единичный объект необходимо определяется какой-то внешней причиной, иными словами, существовать и действовать в соответствии с точным и определённым законом.

Представьте теперь, если хотите, что камень, продолжая двигаться, знает и думает, что прилагает все усилия, чтобы продолжать движение. Этот камень, конечно, поскольку он сознает только свое усилие, поверит, что он свободен, и будет упорствовать в своем движении только по той единственной причине, что он этого желает. Такова та человеческая свобода, которой все люди хвалятся и которая состоит только в том, что люди осознают свои желания и не знают причин, их определяющих. Ребенок думает, что он свободно жаждет молока, раздраженный мальчик хочет отомстить и, если он труслив, хочет бежать. Пьяница думает, что по свободному волеизъявлению своей души он говорит то, о чем потом, вернувшись в трезвость, хотел бы промолчать.

Человеческая свобода иллюзорна, по Спинозе, потому что, даже если человек действует и верит, что действует по собственной инициативе, он должен усвоить, что конечный мотив его действий чужд ему и находится в руках Всевышнего. Эта мысль раскрывает данный эпистемологический принцип Спинозы: поскольку человек принадлежит царству природы, самому Богу, человек не является островком свободы в порядке необходимости, следовательно, империей внутри империи.

Заключение

Таким образом, личность нидерландского мыслителя может быть позиционирована как **монистически-рациональный** тип языковой личности. В этом ракурсе Барух Спиноза – системный мыслитель, сложный и сухой язык которого «позволяет» человеку освободиться от своих иллюзий и принять (обрести) свое место в Природе. Но язык философии Спинозы не только интеллектуален, он имеет очень мощный практический аспект: *мудрость приобретается знанием, радость поддерживается поиском добрых страстей*. Так человек может «упорствовать» в своем бытии, иными словами, настаивать на целесообразности своей экзистенции. Мысль Спинозы не ограничивается только Этикой в общепринятом понимании данного термина. Его работа настолько же моральна, насколько политична или религиозна. Спиноза выдает себя за мыслителя счастья не только личного, но и общественного и политического (против предрассудков, мракобесия и суеверия). Мыслитель убеждён (и стремится убедить нас) в том, что Вселенная постижима при помощи математики и может быть познана при помощи геометрии.

При этом философию языка Спинозы можно свести к трём основным пунктам: во-первых, язык не имеет непосредственного отношения к действительности, он не имеет в себе онтологического содержания настолько, что, говоря о словах, Спиноза полностью отказывается от дискурса референции и противопоставления истинного/ложного. Во-вторых, слова связаны с несовершенным знанием первого рода и не являются признаком неизменной истины и рациональности, так как по самому своему строению связаны с воображением. В-третьих, немислим язык вне исторических обычаев, ситуаций высказывания, подчиняющихся критерию полезности.

Итак, по мысли Спинозы, язык целиком является продуктом истории, которая определяет и переопределяет в соответствии с политическими и социальными изменениями значение слов. Эта решительно материалистическая точка зрения на язык видна из «Метафизических мыслей» в главе VI первой части. В этой главе Спиноза занимается историей значений терминов «истинный» и «ложный» и на основании своих открытий анализирует термины «хороший» и «плохой». Однако оказывается, что все эти термины связаны с социальным состоянием и что их следует рассматривать как результат истории и потребностей людей, говорящих на определённом языке и в определённое время. Философ как бы говорит нам, что мы квалифицируем высказывания, в которых мы используем термины «истина» или «ложь», и только благодаря череде метафор приходим к тому, чтобы приписать эти термины идеям и вещам, инертным, как если бы они рассказывали истории о самих себе. Именно из-за того, что философ забыл об этом материальном происхождении, об этой потребности означать, которая делает слова полезными вспомогательными средствами, они попадают в ловушку языка.

В этом смысле представляет особый интерес лингвополитическая концепция Спинозы, в которой языку не придается никакой онтологической ценности, а остаётся исключительно функционалистский подход,

раскрывающийся в Спинозистских текстах о языке. Слова используются, чтобы говорить и действовать, и сами по себе не раскрывают никакой истины. Они «привыкли» лгать, влиять, а также совершать все эти процедуры, полезные в поисках истины, в процессе познания. Главное, чтобы они работали, играли свою роль инструментов осуществления власти, а если они перестанут работать, если окажутся слишком неадекватными той реальности, которая разыгрывается независимо от них, то их ни в коем случае нельзя оставлять как таковые и придавать им значение, то есть силу, которой они больше не обладают. Случай обещания, например, является особенно плодотворной моделью, потому что оно состоит именно в обязательстве перед будущим, которое должны содержать слова; когда я обещаю, я обязуюсь придавать словам, которые я использую, одно и то же значение сегодня и завтра. Тогда мы понимаем, что обещание, согласно Спинозе, имеет ценность только на основе *ad hoc*, принимая во внимание определенное состояние присутствующих сил, и что я могу со всей добросовестностью разорвать свое обязательство, поскольку, если я больше не имею власть и, следовательно, свободу сделать сегодня, как вчера, то есть сохранить баланс сил, мои слова недействительны. Эти характеристики языка позволяют по-новому определить, что имеется в виду под значением слова или высказывания, что особенно актуально в среде современного политического, часто фейкового, дискурса.

Каковы бы ни были наши успехи или неудачи на пути разума, мы можем также найти в Этике средства для защиты великой идеи, которая была слишком неправильно истолкована различными течениями современного скептицизма: всегда можно сказать правду о реальном мире, признанном общим для всего человечества. При этом всегда можно и должно искать и находить общие объединяющие истины. И в этой перспективе следует позиционировать языковую личность Спинозы, которую, как указывалось выше, можно отнести к монистически-рациональному типу. Психолингвистическая структура данного типа личности отличается детерминистской парадигмой перцепции и когниции. Целеполагание Спинозы находится в русле поисков преимуществ мирной жизни, что особенно актуально, как путь очищения и развития для современных «разорванных» социумов.

Нашу работу предлагается трактовать как проектную базу будущего моделирования концептосферы философско-семиотического дискурса, в рамках которого функционирует не только языковая личность мыслителя-профессионала, но и закладываются основы для интерпретативного анализа и лингвосомиотической реконструкции универсальной языковой личности.

Источники | References

1. Азначеева Е. Н. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 43.
2. Бердяева Н. А. Языковая личность Бердяева. 2006. URL: <https://sci.house/filosofskie-issledovaniya-sovremennyye-scibook/yazykovaya-lichnost-berdyayeva-9656.html>
3. Бушев А. Б. Языковая личность профессионального переводчика: монография. Тверь: Лаборатория деловой графики, 2010.
4. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: уч. пос. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Лабиринт, 2001.
5. Карасик В. И. Эволюция и инволюция концептов // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей: сб. науч. ст. / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград, 2007.
6. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: Изд-во Московского государственного лингвистического университета, 1996.
7. Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю. М. Лотмана: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2004.
8. Портнов А. Н. Языковое сознание и языковая личность Мартина Хайдеггера (опыт реконструкции). 2006. URL: <http://main.isuct.ru/files/publ/vgf/2006/01/157.html>
9. Седых А. П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: Изд-во Белгородского государственного университета, 1998.
10. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород: Эпицентр, 2022.
11. Седых А. П., Багана Ж. Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации языковой личности // Вопросы филологии. 2008. № 3 (30).
12. Charaudeau P. Identité linguistique, identité culturelle: une relation paradoxale. 2009. URL: <http://www.patrick-charaudeau.com/Identite-linguistique-identite.html>
13. Donneau O. Des savants en société: les penseurs du XVIIe siècle au travail // L'émergence de la modernité: histoire des idées au XVIIe siècle / sous la dir. d'A. Staquet. Mons: Université de Mons, 2011.
14. Droit R.-P. Un voyage dans les philosophies du monde. P.: Albin-Michel, 2021.
15. Hervet C. Langage et pouvoir dans le 'Traité politique' de Spinoza // Philonsorbonne. 2007. Nu. 1. Année 2006-2007. <https://doi.org/10.4000/philonsorbonne.109>
16. Identités sociales et discursives / sous la dir. de P. Charaudeau. P.: Harmattan, 2009.
17. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. P.: Dunod, 2005.
18. Kristeva J. Le Temps sensible. Proust et l'expérience littéraire. P.: Folio Essais, 2000.
19. Rastier F. Sémantique interprétative. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
20. Sedykh A. P., Emanuele V., Kugan E. I. Linguistic and cultural identity: Epistemological review // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Vol. 8. No. 3.
21. Sedykh A. P., Ivanishcheva O. N., Koreneva A. V., Ryzhkova I. V. Modern philological knowledge: Anthropocentrism and linguistic identity // International Journal of Engineering and Technology (UAE). 2018. Vol. 7. No. 4.38.

Информация об авторах | Author information

RU

Седых Аркадий Петрович¹, д. филол. н., проф.

¹ Московский международный университет;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

EN

Sedykh Arkadiy Petrovich¹, Dr

¹ Moscow International University;

Belgorod National Research University

¹ sedykh@bsu.edu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.03.2023; опубликовано (published): 28.04.2023.

Ключевые слова (keywords): философия языка; языковая личность; эпистемологический дискурс; философская картина мира; лингвокультура; philosophy of language; linguistic personality; epistemological discourse; philosophical worldview; linguoculture.